

УДК 29
ББК 86.372

Религиозный раскол Русской православной церкви: концепция Н. А. Бердяева

А. С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена концепции религиозного раскола Русской православной церкви Н. А. Бердяева. Становление концепции дается в развитии. Концепция раскола рассматривается на фоне общих взглядов Н. А. Бердяева на всемирную, в том числе русскую, историю.

Ключевые слова: историография, философия истории, религиозный раскол, мессианизм, Н. А. Бердяев.

Изучение истории религиозного раскола русской православной церкви в отечественной историографии велось в рамках нескольких научных направлений. Каждое из них формировало и развивало свои представления об истории и теории этого процесса. Еще до научного взгляда, в период возникновения раскола, появилась клерикально-охранительная литература, позже, в XVIII в. оформилось официальное направление [1, с. 48–55]. В 60-е гг. XIX в. получила развитие демократическая концепция раскола, наиболее весомо представленная А. П. Щаповым [1, с. 55–68; 205–212]. В развитие марксистской концепции, особенно в разработку теории проблемы, на разных этапах ее истории особый вклад, на наш взгляд, внесли Г. В. Плеханов, а в советское время – А. И. Клибанов и др.

Взгляд Н. А. Бердяева на историю России. Николай Александрович Бердяев (6[18]. III. 1874 – 23.III. 1948) считал проблему раскола одной из важнейших проблем русской истории, ключевой в понимании специфики России. Его концепция раскола строилась на иных, чем упомянутые выше, основаниях.

Она принципиально отличалась от официальной дореволюционной школы, а также советской исторической и философской науки, формировала видение этого явления и процесса, противоположное материализму, атеизму.

Бердяев писал не обычный исторический труд, раскрывающий внешнюю сторону истории, не об «эмпирической России». Он, опираясь на традицию русской мысли XIX – начала XX в., развивал экзистенциальное (лат. *existencia* – существование) направление философии истории. Его интересовали те-

мы: «человек», «его назначение и творческое призвание», «продолжение человеком миротворения», «русская идея».

Мыслитель хотел понять «национальный тип», «народную индивидуальность». Ответ на поставленные вопросы требовал иного, не марксистского, не материалистического метода исследования [2, с. 135–151; 3, с. 5–12]. Опираясь на свое видение особенностей исторического процесса, он строил прогнозы, оценивал будущее. Его общие воззрения предопределяли и видение раскола.

К проблеме специфики русской истории, исторического познания Бердяев обращался в работах: «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), «О рабстве и свободе человека» (1939), «Самопознание» (1940), «Русская идея» (1943) и др.

«Прошлое нам уже не подвластно, но будущее зависит от нас», – ссылаясь Н. А. Бердяев на Чаадаева, суждения которого относил к «основным мыслям» XIX в. Силы народа еще не раскрыты, находятся в потенциальном состоянии. Они раскроются, и в будущем будут получены ответы на важнейшие вопросы человечества. Каковы же локальные и масштабные энергии, которые создавали потенциал будущего развития, предопределяли его направление? Каково в этом ареале место и значение религиозного раскола?

Философ ставил вопрос о «загадке России», «ее идее». Именно в контексте ответа на него раскрывалось значение других, относительно частных вопросов, в том числе и вопроса о природе религиозного раскола русской православной церкви.

Его ответ: в России нет дара «созидания средней культуры». Русский дух устремлен к «последнему, окончательному», абсолютному. А в жизни царит относительное, среднее. Мы «бессильны... во всем относительном и среднем», – вновь подчеркивал он, – хотим «священного государства» в абсолютном, а миримся со «звериным в относительном» [4, с. 48].

Это деление на «Святую Русь» и «царство антихриста» и устремленность к «последнему, окончательному, абсолютному» видны и в расколе.

Предпосылки раскола в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937). Непосредственно к теме религиозного раскола русской православной церкви Бердяев обратился в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), а затем, более подробно, рассмотрел ее в работе «Русская идея», написанной в 1943 г.

Во введении «Русская религиозная идея и русское государство» к труду «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяев широко развернул тему, вписал раскол в контекст понимания всего хода и смысла русской истории, а затем осветил суть религиозного раскола. Он констатировал наличие в России раскола в широком смысле, раскола вообще, а не только религиозного, – отсутствие в стране «органического единства». По словам Бердяева, страна жила одновременно в разных столетиях от четырнадцатого до двадцать первого [5, с. 13]. В истории философ видел «пять разных России: ...киевскую, ...татарского периода, ...московскую, ...петровскую императорскую и ...советскую Россию» [5, с. 7].

Противоречия русской истории (души и судьбы), по мнению Бердяева, заключались в противоборстве в них восточного и западного элементов [5, с. 8].

Двойственность по-иному проявилась и в том, что душу, которая была языческой и до конца не утратила этой субстанции, сформировала русская православная церковь. Эта двойственность вошла в «тип русского человека» [Там же].

По его словам, религиозное начало выработало в русской душе устойчивые свойства: догматизм и аскетизм; способность нести страдания и жертвы во имя своей веры; устремленность к трансцендентному, к вечности, к иному миру, к будущему [5, с. 9]. Все эти свойства в полной мере проявились в русской истории и в, частности, в расколе. Страна несла в себе раскол в разных формах и предпосылки появления новых форм.

России был присущ мессианизм. Бердяев охарактеризовал предпосылки и кризис этой идеи.

К расколу вел «кризис мессианского призвания». «Московское царство» собиралось под символикой мессианской идеи – «искания истинного царства», которое характерно для русского народа на протяжении всей его истории [5, с. 9].

После падения Византийской империи – Второго Рима, народ решил, что московское царство «единственное православное царство в мире» [Там же]. Инок Филофей сформулировал учение о Москве как Третьем Риме.

Религиозное и национальное слилось. Укрепилась мысль, что православная вера есть исключительно русская вера. Вселенское сознание так ослабело, что греческую церковь, от которой русский народ получил православие, перестали считать православной [5, с. 10]. В ходе русской истории религиозная идея царства выродилась в форму могущественного государства. Церковь в этом государстве стала играть служебную роль [Там же].

Характеристика раскола в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937). Противоречия истории, особенности сознания и веры, свойства народа, сформировавшиеся в ходе русской истории, однажды слились и выплеснулись в расколе.

Исправление ошибок в богослужебных книгах по греческим образцам при патриархе Никоне породило «бурный протест народной религиозности» [5, с. 10].

Произошло, по словам Бердяева, «одно из самых важных событий русской истории» [5, с. 10]. Бердяев, вслед за демократической и марксистской мыслью, не считал, что «раскол был вызван лишь обрядоверием народа» [5, с. 10]. В расколе, по его словам, заключалась «глубокая историософская тема» [Там же]. Коренный вопрос стоял в том, «исполняет ли русский народ свое мессианское призвание», является ли «русское царство истинно православным царством» [Там же]. Раскол и выявил неблагополучие русского мессианского сознания [Там же]. «В народе проснулось подозрение, что православное царство повредилось», истинной вере изменили, государственной властью и церковной иерархией овладел антихрист [Там же]. Убедившись в

этом, «народное православие» разрывает с иерархией и властью и «уходит под землю» [5, с. 11].

Предпосылки раскола в работе «Русская идея» (1943). В работе «Русская идея» (1943) Бердяев продолжил освещение проблемы религиозного раскола русской православной церкви. Он поставил ее в контекст специфики «русского национального типа». Исследователь дополнил и развил свои представления о русской религиозности.

Он подчеркнул важную особенность России, которая проявлялась в русской истории – наш народ «в высшей степени поляризованный ... совмещение противоположностей» [6, с. 29].

Противоречивость «русской души», Бердяев, как и прежде, объяснял тем, что в России сходятся два потока мировой истории – Восток и Запад. Это соотношение сказалось на результате – специфике народа: «Русский народ не... чисто европейский и не чисто азиатский... Россия... соединила два мира» [6, с. 30].

Необъятность русской земли, по мнению философа, соответствует необъятности русской души, ее устремленности в бесконечность. География влияет на специфику цивилизации. Безграничную землю трудно оформить. Тем более, если у народа наблюдается «слабость формы» [6, с. 30]. Если он – народ «откровений и вдохновений», а «не... народ культуры... как народы Западной Европы». И, к тому же, не знает меры, впадает в крайности [Там же].

Он вновь подчеркнул неорганичность, прерывность, катастрофический характер русской истории, наличие в ней пяти периодов, образов России: киевского, времен татарского ига, московского, петровского, современного. И, добавил, «возможно, что будет еще новая Россия» [6, с. 31].

Бердяев, как и прежде, обращал внимание на характерную, по его мнению, особенность русской истории – наличие потенциальных, неактуализированных сил, в которых видел залог будущего России. Об этом он упоминал ранее, ссылаясь на Чаадаева.

В «Русской идее» исследователь, в отличие от предшествующих работ, перечислил основные вехи русской истории и в том числе раскол, в контексте субъективного, «человеческого» свойства русской истории, – ее «мучительности». Он использовал это понятие не как поверхностное прилагательное, обычно встречающееся в «объективной» истории, а как глубинную характеристику, которая влияла на дух, душу, и сказалась в расколе.

Мыслитель писал: «История русского народа одна из самых мучительных историй: борьба с татарскими нашествиями и татарским игом, всегдашняя гипертрофия государства, тоталитарный режим Московского царства, Смутная эпоха, раскол, насильственный характер петровской реформы, крепостное право, которое было самой страшной язвой русской жизни, гонения на интеллигенцию, казнь декабристов, жуткий режим прусского юнкера Николая I, безграмотность народной массы, которую держали во тьме из страха, неизбежность революции для разрешения конфликтов и противоречий и ее насильственный и кровавый характер, и, наконец, самая страшная в мировой истории война» [6, с. 33].

Что же вытекало из упомянутой характеристики русской истории? Как эта «мучительность» сказалось на духе народа?

У нас, по словам Бердяева, «не развилось рыцарство». Народу стали свойственны «опрошение и уничтожение», «непротивление», «жертва» [6, с. 33]. В религиозной жизни имело место «самосжигание».

Бердяев продолжает и развивает тему о противоположных началах в основании «формации русской души» – природного, языческого, дионисического и – «аскетически-монашеского православия».

Соотношение этих начал предопределило «свойства русского народа». Теперь русский философ не только перечисляет эти свойства, как делал ранее, он показывает их в единстве противоположностей. Мыслитель видит в народе следующие черты: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядовере и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность.

Философ придавал большое значение присущей нам «двойственности» – сочетанию в душе народа языческого и православного начал. В «Русской идее» он определил эту двойственность как двоеверие – соединение православной веры с языческой мифологией, которое многое объясняет в русской истории и душе. Причем, по мнению Бердяева, особенности народной духовности связаны, прежде всего, с языческой основой – с наличием «дионисического, экстатического (восторженность, исступление) элементов». В жизни эти элементы, по его словам, проявляются в народной склонности к хороводам, разгулу, анархии.

Народная стихия породила Стеньку Разина, Емельяна Пугачева. Она дала бегунов – странников, ищущих Божьей правды [6, с. 34].

Вообще, по мнению Бердяева, русский народ видел, ощущал, проходил земной путь как путь «бегства и странничества» [Там же]. Он высоко ценил «нищенство и бедность», «чувствовал социальную неправду», сблизил в душе понятия «спасение» и «милостыня». В народе сильна была «религия земли», матери-земли, материнства, Богородицы. А «образ Бога ... подавлен образом земной власти». Одновременно, апокрифы «говорили о грядущем приходе Мессии» [Там же].

Эти присущие русской душе, истории начала сказались и в расколе. Раскол связан с мессианизмом. Его русскую специфику Бердяев, в работе «Русская идея», показал через христианские символы России, используя образы Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

Бердяев представил Иосифа Волоцкого и Нила Сорского как два типа, «символа в истории русского христианства».

Иосиф Волоцкий – носитель идеи жесткого государственного православия, сторонник казни еретиков, враг свободы.

Нил Сорский – защитник духовного, мистического понимания христианства, сторонник свободы, противник истязания еретиков.

В этих двух типах, по мнению Бердяева, была заложена «двойственность русского мессианского сознания», возможность его «главного срыва» [6, с. 36]. Все зависело от того, каким путем пойдет страна: жестким, властным или духовным, мистическим.

Для характеристики русского мессианского сознания, по словам Бердяева, большое значение имеет «идея инока Филофея о Москве как Третьем Риме», о которой он писал и в более ранних работах. В новой характеристике Бердяев не только повторил то, о чем уже говорил прежде, но и внес новые мысли.

В идее «Москва – Третий Рим», подчеркивал Бердяев, была заложена двойственность.

Истинная миссия России как носительницы и хранительницы православия связывалась с силой и величием русского государства – Иосиф Волоцкий соединялся с Нилом Сорским. Но соединение было не в пользу Нила Сорского. В мессианское сознание вошел «империалистический соблазн».

«Духовный провал идеи Москвы как Третьего Рима был именно в том, – констатировал Бердяев, – что Третий Рим представлялся как проявление царского могущества, мощи государства, сложился как Московское царство, потом как империя и, наконец, как Третий Интернационал. Царь был признан наместником Бога на земле». Ему «принадлежали заботы не только об интересах царства, но и о спасении души... Божье воздавалось кесарю» [6, с. 37].

Идеология Москвы как Третьего Рима укрепляла царское самодержавие. Она не содействовала процветанию церкви, духовной жизни. «Христианское призвание русского народа было искажено» [6, с. 38].

Вывод Бердяева, особенно значимый для нашей темы: в государстве «не было цельности», «Московская Россия шла к расколу» [Там же].

Семнадцатый век, по словам мыслителя, вопреки мнению славянофилов, не являлся органическим веком русской истории. Он был веком «смуты и раскола». Это утверждение вполне соответствует и современным взглядам, в частности, А. М. Панченко на «бунташный век» [7, с. 13–249].

Смута подорвала силы страны, изменила «народную психику». В России обнаружилась «глубокая социальная вражда», «ненависть к боярам».

Все сказанное выше об особенностях русской души и судьбы привело Бердяева к новому важнейшему заключению: «Русские – раскольники, это глубокая черта нашего народного характера» [6, с. 38].

Полярность, противоречивость русского характера, по словам Бердяева, проявилась в том, что русский народ «смирненно» создавал, и создал «деспотическое самодержавное государство». И, в то же время, – убежал от этого своего создания – государства – «в вольницу». Из «антихристовых» областей в пустыни, с появлением раскола, бежали и старообрядцы.

Характерным представителем свободного типа, который Бердяев называет «русским типом», являлся Стенька Разин. По словам Бердяева, А. П. Щапов считал, что «Стенька Разин был порождением раскола». Бердяев этот тезис не опровергает.

Вслед за А. П. Щаповым, труды которого и по расколу, и вообще по русской истории Бердяев изучал и на которые неоднократно ссылался (трудно, кстати, на вскидку назвать «чистых» историков, кроме А. П. Щапова и В. О. Ключевского, которые представляли для Бердяева интерес), Бердяев характеризует колонизацию как явление вольнонародное, как действие Ермака, заслугу «казацкой вольницы».

Эту вольницу он рассматривает как «анархический элемент в русской истории» – противовес абсолютизму и деспотизму. «Вольница» показала, что возможен «уход из государства, ставшего невыносимым» [6, с. 39].

В жизни религиозной, по словам исследователя, «многие секты и ереси были уходом от официальной церковности, в которой был тот же гнет, что и в государстве» [Там же].

Бердяев делает вывод, который сближает его видение предпосылок раскола с демократической концепцией второй половины XIX в., А. П. Щаповым. По его словам, «элемент правды был в сектах и ересьях в противоположность неправде государственной церковности» [Там же].

Характеристика раскола в работе «Русская идея» (1943). Собственно о расколе, о его непреходящем влиянии на русскую историю Бердяев говорит следующее: «Наибольшее значение имел наш церковный раскол. С него начинается глубокое раздвоение в русской жизни и русской истории, внутренняя расколотость, которая будет продолжаться до русской революции. И многое тут находит свое объяснение. Это кризис русской мессианской идеи» [Там же].

Философ продолжает свою прежнюю мысль, которая уже прозвучала и в демократической концепции XIX в.: не из-за «мелочных вопросов обрядов-верия» произошел раскол, во всяком случае, не только из-за них. Он соглашается со А. П. Щаповым в том, что «обрядовое занимало слишком большое место в русской церковной жизни». «При низком уровне просвещения это вело к обоготворению исторически относительных и временных обрядовых форм» [6, с. 39–40].

Низкая образованность была присуща, по мнению Бердяева, и православным, и старообрядцам. Причем «раскольники были даже грамотнее православных». В отсутствии необходимых знаний, по его словам, грешны и патриарх Никон, и «главный герой раскола» «величайший русский писатель» протопоп Аввакум.

Эти заключения Бердяева, кроме прочего, вслед за демократами XIX в. опровергали клерикально-охранительную и официальную концепции раскола, в которых «невежество» старообрядцев считалось главной характеристикой сути раскола.

Однако реально «обскурантское (лат. «затемняющее». – А. М.) обрядовое, согласно выводам Бердяева, явилось одним из «полюсов русской религиозной жизни» [6, с. 40].

Другой ее полюс – «искание Божьей правды, странничество, эсхатологическая устремленность», взгляд историософский, связанный с мессианизмом, темой о царстве [Там же]. Наличия этого второго полюса не замечали ни

писатели клерикально-охранительного направления, ни консерваторы, ни даже историки государственной школы, в частности, великий С. М. Соловьев.

В «Русской идее» Бердяев повторяет свои прежние размышления о причинах процесса. В «основу раскола, – писал он, – легло сомнение в том, что русское царство, Третий Рим, есть истинное православное царство. Раскольники почуяли измену в Церкви и государстве, они перестали верить в святость иерархической власти. Сознание богооставленности царства было главным движущим мотивом раскола» [6, с. 40].

Греческая вера представлялась неправославной. Истинная вера – только русская вера. Она связана с истинным царством, русским царством. Но истинного русского царства больше нет.

Раскольники, по словам Бердяева, ушли из истории, ибо ею овладел антихрист – московское православное царство погибло. Антихрист проник на вершины церкви и государства.

Царство антихриста в России, по мнению раскольников, наступило в 1666 г. Раскол ждал антихриста и видел его в Петре Великом и в других облеченных властью личностях. Истинное царство оказалось в пространстве под землей, ушло под землю и под воду – в «Град Китеж, под озеро», а во времени – ушло в грядущее апокалиптическое время.

Раскольники перестали жить в настоящем, а жили в прошлом или в будущем. Левое крыло раскола приняло «апокалиптическую окраску». Шел напряженный поиск «царства правды, противоположного нынешнему царству».

Заметим, что, по мнению А. П. Щапова, раскольники уходили не из истории вообще, а из областей, городов, где, по их мнению, господствовал антихрист, в пустыни – места, свободные от него, и жили там по-своему [1, с. 205–212].

Характеризуя земные дела раскольников, Бердяев использует идеи А. П. Щапова.

Он пишет о том, что раскольники «бежали в леса, горы и пустыни от царства антихриста» и обнаружили «огромную способность к общинному устройству и самоуправлению». «Народ, – по словам Бердяева, которые буквально повторяли терминологию Щапова, – требовал свободы земского дела, и земское дело начало развиваться помимо государственного дела» [6, с. 42].

В расколе, заключал Бердяев, было два элемента – религиозный и революционный. Значение левого крыла раскола – беспоповцев – в том, что они сделали русскую мысль «свободной, дерзновенной и обращенной к концу». Эти ее свойства проявились и в XIX в., и позже.

Раскол подорвал силы русской церкви, умалил авторитет иерархии и сделал возможной церковную реформу Петра и, конечно, предопределил русскую историю.

В расколе обнаружилось необыкновенное свойство русского народа – выносливость к страданию, устремленность к потустороннему, конечному. Эти свойства народу пришлось еще не раз продемонстрировать в русской истории.

1. *Маджаров А. С.* Афанасий Прокопьевич Шапов: история жизни и жизнь «Истории» / А. С. Маджаров. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1 им. В. М. Посохина, 2005. – 528 с.
2. *Маджаров А. С.* «Предание», «судьба» в методологии познания отечественной истории Н. А. Бердяева // Александр Станиславович Маджаров : сб. статей / под ред. С. О. Шмидта и др. – Иркутск : Отгиск, 2009. – 160 с.
3. *Маджаров А. С.* Н. А. Бердяев о женственном и мужественном началах в судьбе России // Женщина в истории России XVIII–XXI вв.: Восьмые Шаповские чтения. – Иркутск, 2010. – 296 с.
4. *Бердяев Н. А.* Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности // Русская идея. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. – 832 с.
5. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
6. *Бердяев Н. А.* Русская идея / Н. А. Бердяев. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 320 с.
7. *Панченко А. М.* О русской истории и культуре / А. М. Панченко. – СПб. : Азбука, 2000. – 464 с.
1. *Madzharov A. S.* Athanasius Prokopievich Shchapov : a history of life and the lives of the "History" / N. A. Berdyaev. – Irkutsk, 2005. – 528 p.
2. *Madzharov A. S.* "Legend", "destiny" is in the methodology of cognition of the national history of N. A. Berdyaev. Alexander Stanislavovich Madzharov // The collection of articles edited by S. O. Schmidt and the others. – Irkutsk, 2009. – 160 p.
3. *Madzharov A. S.* N. A. Berdyaev is about the basis of femininity and masculinity in the destiny of Russia // The woman in the history of Russia of 18–19 centuries. The eights Shchapovskie reading. – Irkutsk, 2010. – 296 p.
4. *Berdyaev N. A.* The destiny of Russia. Knowledge of the psychology of war and nationality // Russian idea. 2005. – 832 p.
5. *Berdyaev N. A.* Origins and the meaning of Russian Communism / N. A. Berdyaev. – M., 1990. – 224 p.
6. *Berdyaev N. A.* Russian idea / N. A. Berdyaev. – 2008. – 320 p.
7. *Panchenko A. M.* About Russian history and culture / A. M. Panchenko. – 2000. – 464 p.

Religious Schism of the Russian Orthodox Church: the N. A. Berdiayev's Concept

A. S. Madzharov

Irkutsk State University, Irkutsk

The article is devoted to the N. A. Berdiayev's concept of religious schism in the Russian Orthodox Church. It's given the process of the concept formation. The concept of religious schism is considered within N. A. Beiyayev's general view on World History including Russian History.

Key words: historiography, philosophy of history, religious schism, messianism, N. A. Berdiayev.

Маджаров Александр Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, (3952) 243875, e-mail: lewaaliwa@mail.ru

Madzharov Alexander Stanislavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern National History, the Irkutsk State Universit, 664003, Irkutsk, Karl Marx st., 1, (3952)243875, e-mail: lewaaliwa@mail.ru